

Глава 41. Девять фаз

О чём я думал, когда стоял здесь в прошлый раз? В шаге от бездны... Се Юньчжу оперся о перила за спиной, и мысли его унеслись вдаль.

По правде говоря, воспоминания были туманными. Он никогда по своей воле не возвращался к ним.

Говорят, у человеческого мозга есть защитный механизм, который блокирует болезненные воспоминания. словно дерево, выделяющее смолу, чтобы заключить в янтарь ранящий его осколок. Только так оно может продолжать расти ввысь.

Теперь, вспоминая, он, кажется, слышал песню. На огромном экране торгового центра через дорогу выступала какая-то популярная идол-группа. Их улыбки были ослепительны, а песня — весёлой. Он долго стоял на краю крыши, глядя на них, а потом тихонько начал подпевать.

Человек может из-за мимолётного порыва отчаяния захотеть покончить с собой, и в то же время остаться в этом мире, лишь чтобы дослушать песню до конца. Странные, непостижимые создания.

Он всё ещё любил тепло солнечных лучей на коже, любил песни этого бренного мира. Поэтому в тот день он не умер.

И сегодня тоже не умрёт.

Се Юньчжу зажал телефон плечом и, склонив голову, посмотрел на бурлящий внизу поток машин.

— Прошу прощения, но ещё не время.

На том конце провода послышался резкий вздох.

— Что ты сказал?!

Се Юньчжу усмехнулся. Он должен был благодарить этот омерзительный голос за то, что тот вырвал его из оцепенения. Собеседник напомнил ему обо всём, что он ненавидел: обман, манипуляции, чужие игры.

Он подумал, что если этот день и впрямь настанет, то его приход будет зависеть только от его собственной воли, и никак иначе.

Пытаться указывать ему, что делать? Такому не бывать.

— Я сказал, — отчеканил Се Юньчжу, — что проживу дольше вас всех. И увижу вашу гибель.

— Дзынь!

С той стороны донёлся звон разбитого стекла и поток яростной, срывающейся на крик ругани.

— Какой у тебя рабочий номер?! Немедленно назови! Я не могу поверить, что на нашей фабрике есть такие нерешительные ничтожества! Как у тебя вообще хватает наглости жить на этом свете! Фабрике не нужны бесполезные сотрудники! Этому обществу не нужны слабаки!

Се Юньчжу отодвинул телефон подальше, но яростные крики всё равно прорывались наружу.

— Естественный отбор, выживает сильнейший! Люди, желающие покончить с собой, — это отбросы эволюции! Вы впустую тратите ресурсы общества, вы тянете вниз тех, кто действительно трудится и вносит свой вклад! Вы — шлак! Паразиты! Низший сорт!

Закатив глаза, Се Юньчжу просто повесил трубку.

Назойливый голос исчез, но его положение не изменилось. Он по-прежнему стоял на краю крыши, покачиваясь. Где выход? Где ключ к разгадке?

Прежде чем уйти, он подсознательно захотел ещё раз взглянуть на тот экран, но стоило ему повернуть голову, как в глаза ударил чёрный квадрат. В мозгу загудело.

«Постойте... эта штука... она была здесь всё это время?»

Она источала непреодолимое искушение. Се Юньчжу в оцепенении протянул руку, не понимая, пытается ли он схватить этот квадрат или же спрыгнуть вниз. Порывы ветра, поднимавшиеся с земли, путали его мысли.

Ближе... почти коснулся... Разум кричал, что нельзя смотреть, но глаза словно приклеились. В голове стоял оглушительный визг: «Протяни руку! Возьми его! Ты должен получить эту вещь!»

Се Юньчжу изо всех сил тянулся, балансируя на самом краю. Он старался не смотреть вниз, но боковое зрение улавливало высоту, и по спине струился холодный пот.

«В тот раз я не прыгнул. Так что всё в порядке, даже если оступлюсь, ничего не случится... История, которой не было, не может повториться».

Ещё немного... вот-вот достану...

«В тот раз я не умер, но и сердце моё не исцелилось. Словно я сжал в кулаке горсть пепла, придав ей случайную форму... и такая вещь, помещённая обратно в грудь, тоже может биться вместо сердца... ведь так?»

Рука больше не вытягивалась. Всего сантиметр, но ему никак не достать. Может, действительно стоит сделать этот шаг, и тогда получится...

Но он ни на секунду не задумался над вопросом: почему он вообще должен хватать этот квадрат?

«Это — смерть, то, от чего ты должен бежать!» — слабый голос в глубине сознания пытался докричаться до него.

«И ещё... где Ми Янь? Куда он делся? Он, наверное, ужасно напуган, не видя меня...»

Вспышка разума, смешанная с толикой беспокойства, заставила Се Юньчжу на последней секунде замешкаться. Нога уже зависла в воздухе, готовая опуститься в пустоту.

Он всё ещё не мог отвести взгляд от чёрного квадрата, но вдруг увидел нечто невообразимое...

У квадрата не хватало угла. И скол был неровным, словно... словно кто-то взял и откусил от него кусок!

/

Пятью минутами ранее.

Ми Янь, без сомнения, оказался в той же ловушке, что и Се Юньчжу. Однако смерть была для него понятием совершенно чуждым, поэтому перед его глазами был лишь странный чёрный квадрат.

— А Чжу? Ты где? — громко звал Ми Янь, оглядываясь по сторонам, но тщетно. Он подошёл и поднял чёрный квадрат.

На ощупь тот был холодным и твёрдым, как нефрит. Но когда он со всей силы швырнул его на землю, предмет опустился медленно, словно пёрышко.

Он пытался бить его, колотить, яростно топтать, но ничто не могло повредить этот квадрат.

Вокруг было не пусто, а, наоборот, тесно. Казалось, он брёл по «лесу», где «деревьями» были висящие вниз головой трупы. Их было так много, что не видно было конца... Неужели в мире столько смертей!

Ми Янь, прижимая к себе чёрный квадрат, раздвигал тяжёлые тела и продолжал искать в этой пустоте, громко выкрикивая имя Се Юньчжу.

А висящие трупы, назло, не умолкали.

— Смотрите, ребёнок. Что он здесь делает?

— Эй, ты мне глаз выбил!

— Ты его не найдёшь. Только самоубийство поможет, хи-хи. Почему бы тебе не составить компанию своему дружку? Ему тут так одиноко висеть.

Ми Янь схватил гниющее, истекающее кровью тело.

— Что ты сказал?!

— Я сказал, твой возлюбленный уже мёртв, — хихикнул труп. — Его желание умереть было намного сильнее нашего. Даже будь он могущественнее всех, ему не спастись.

— Умереть здесь — это хорошо. Шестой район — место с хорошим фэн-шуйем. Всяко лучше, чем попасть в предыдущие...

— Говорят, в пятом районе люди живут хуже, чем мертвецы. А что творится в тех, что до него, ц-ц-ц, даже думать боюсь... Уж лучше остаться здесь, так спокойно.

Кровь застыла в жилах Ми Яня. Он не мог представить, что будет делать, если потеряет Се Юньчжу. Сама логика его существования, казалось, была построена на любви. Он не мог потерять А Чжу... ни за что!

Безумные мысли захлестнули его разум. Не колеблясь ни секунды, Ми Янь оскалил свои белые зубки и яростно впился в чёрный квадрат.

Хорошая новость: он поддался. Плохая: вкус у смерти был отвратительный, как смесь слёз, соли, внутренностей и крови.

Висящие трупы закричали, их гниющие лица исказились.

— Что ты делаешь?! Прекрати!

— Глоть...

Ми Янь не обращал на них внимания. Вытянув шею, он с усилием проглотил откушенный кусок, а затем вгрызся снова, и снова...

Вскоре квадрат смерти в его руках напоминал яблочный огрызок. Он целиком запихнул его в рот, кадык дёрнулся, и он проглотил остаток.

Мир вокруг стремительно искажился. Огонёк свечи тускло вспыхнул и погас, оставив после себя лишь струйку сизого дыма.

С исчезновением квадрата смерти исчезло и всё наваждение. Лес из висящих трупов растаял без следа.

Се Юньчжу резко пришёл в себя и, не удержав равновесия, пошатнулся вперёд. В тот же миг его обхватили маленькие ручки. Ребёнок уткнулся ему в живот, и в его голосе слышались сдерживаемые рыдания.

— У-а-а-а, А Чжу... как хорошо, ты в порядке...

— Ты... — руки Се Юньчжу неустойчиво дрожали. Он сорвал грязные перчатки, схватил с пола фонарик и силой разжал ребёнку рот.

Свет фонаря озарил лишь ряд белых зубов и чистое горло.

— Проглотил?!

— Угу...

— Выплюни! — Се Юньчжу обхватил его горло, готовясь применить дилетантскую версию приёма Геймлиха.

Но Ми Янь решительно зажал рот руками и замотал головой.

— Нельзя! Нельзя выплёвывать! Нельзя, чтобы ты снова к нему прикоснулся!

Те трупы были правы. Дело было не в силе. Чем сильнее в сердце жажда смерти, тем легче поддаться власти квадрата. Нет места безопаснее, чем его желудок. Он должен защитить А Чжу.

Се Юньчжу глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Он понимал, что ребёнок прав. Даже сейчас он не был уверен, что, не будь этого вмешательства, он действительно не сделал бы тот последний шаг.

Он медленно восстановил дыхание и внимательно посмотрел в лицо Ми Яня.

— Ты правда в порядке?

У Ми Яня болел живот, но терпимо. С выступившими на лбу от боли бисеринками пота он твёрдо покачал головой.

— Я в порядке.

— Ты хоть понимаешь, что даже бог может умереть?

Ми Янь снова покачал головой. Вся его отвага проистекала из его наивности.

— Я не боюсь.

— ...

Се Юньчжу не нашёлся, что ответить. Он лишь опустил руку на его голову и взъерошил волосы.

— Глупый Пушистик.

Ми Янь чувствовал, как дрожит его рука, так же, как и его голос.

Больше он ничем не выдал своих эмоций и быстро взял себя в руки. Дверь из комнаты по-прежнему была заперта.

Се Юньчжу посветил фонариком по сторонам. Висящие трупы исчезли, но на стене, где раньше был чёрный квадрат, проступила старая, выцветшая картина.

Значит, то, что он увидел в первую секунду, было правдой. Всё, что они пережили, было лишь наваждением, заключённым в картине.

Внизу виднелось несколько строк мелким шрифтом — название: «Картина девяти фаз разложения».

Текст повествовал об одной истории. Когда-то жила прекрасная императрица, чья красота вызывала у всех, кто её видел, любовь и вожделение. Умирая, она завещала бросить её тело в диком поле на сорок девять дней, чтобы все могли наблюдать за процессом его разложения. Она хотела, чтобы мир понял: красота — лишь прах, видимость есть пустота.

Картина изображала девять стадий разложения человеческого тела после смерти: фаза новой смерти, фаза вздутия, фаза кровоподтёков, фаза гниения, фаза пожирания, фаза синих трупных пятен, фаза сочленённых костей, фаза рассыпавшихся костей и фаза могилы.

Тела девяти чистильщиков были изображены на картине, выписанные с пугающей живостью, была видна даже розовая заколка для волос. На последней стадии имя Нин Дуншуня было высечено на его собственном надгробии.

Единственная проблема заключалась в том, что картина висела вверх ногами. Се Юньчжу подошёл и перевесил её. За его спиной раздался щелчок. Дверная ручка повернулась на сто восемьдесят градусов, и дверь сама собой открылась.

Снаружи зажёгся свет. В проёме показалось встревоженное лицо Майкла.

— Боже, Шестой, ты наконец-то вышел! Быстрее, Сестра Кун кормит в соседнем помещении, она скоро будет здесь!

Стоило острому напряжению отпустить, как усталость навалилась на него свинцовой тяжестью. Все звуки и образы словно отделились пеленой тумана. За этой пеленой гудело в голове и пульсировало в висках.

Опасность миновала, но его руки продолжали дрожать — признак крайнего истощения организма. Старая проблема. Се Юньчжу не обратил на это внимания, достал из кармана ментоловую сигарету, зажал её в зубах и закурил.

Глубокая затычка. Ментол и табак хлынули в лёгкие, резко взбодрив его. Лишь тогда ему стало немного легче.

При свете дворовых фонарей Се Юньчжу снова принялся осматривать лицо Ми Яня, поворачивая его то так, то этак. Он был в недоумении.

— Так ты и вправду съел «смерть», и с тобой совсем ничего не случилось?

Не веря своим глазам, он сунул пальцы в рот Ми Яня, пытаясь нащупать что-нибудь в его горле. Ми Янь послушно позволил ему это сделать.

С ним и впрямь всё было в порядке, даже живот перестал болеть. Просто внутри ощущалось что-то чужеродное, немного давящее. Он решил найти безопасное место и выплюнуть

разжёванную смерть позже.

— Что это вы делаете? — Майкл смотрел на них во все глаза, засыпая вопросами. — Что было в той комнате? Ты в порядке? Зачем ты лезешь ему в горло? Малой, что ты такого съел?

— Всё в порядке, — коротко ответил Се Юньчжу.

У Майкла была ещё уйма вопросов, но в этот момент во двор вошла Сестра Кун, и он тут же замолчал. Остальные чистильщики вышли из своих комнат и понуро выстроились во дворе. После перекички каждый получил свой завтрак — меню было точь-в-точь как вчера.

Завтрак был редкой возможностью отдохнуть. Люди ели и болтали. Кто-то сладко потянулся.

— А это подземелье неплохое. Утомительно, конечно, но безопасно. Уже третий день, а никакой опасности!

— Это просто удача. Попадёшь в по-настоящему жуткое место, так там и на старте всю команду могут положить.

— Ха-ха, хотелось бы, чтобы таких подземелий было побольше...

«Никакой опасности? Удача?»

«Чушь собачья!» — подумал Майкл, ковыряя еду. Он невольно взглянул на Номера 6. Тот, как всегда, держался особняком, сидя в углу со своим младшим братом. Он молча спас всех, но никто, кроме него, Майкла, не знал, что он сделал.

Он выглядел измождённым. Даже не ел, просто прислонился к стене и, опустив голову, курил. Густые ресницы скрывали его сумрачно-синие глаза. Невозможно было прочесть его выражение лица, невозможно было понять, о чём он думает.

В свете фонарей его кожа казалась бледной, почти прозрачной, как снег, который вот-вот растает с приходом тепла.
